

Владимир Соллогуб. Воспитанница.

Теменевская ярмарка

OCR: Pirat

["Воспитанница" составляет второй эпизод "Теменевской ярмарки, или Воспоминаний странствующего актера".]

Повесть

(Посвящено Н. В. Гоголю)

Несколько лет сряду не был я в нашей провинции.

В нынешнем году привелось мне снова поехать по православным дорогам и, признаюсь чистосердечно, не без душевного трепета принес я бока свои на жертву мостовым, гатям, косогорам, отслужившим мостам и прочим препровождениям времени, насмешливо ожидающим свою измученную добычу. К удивлению моему, благодаря распоряжениям теперешнего почтового начальства, в лошадях задержки нигде не было, а на станциях заметил я опрятность, водворенную, разумеется, попечениями местных властей. Кое-где проглядывало даже губернское шоссе, которое, однако ж, по несчастию, всегда лежало в стороне от моего пути.

Случай привел меня в губернский город X; и тут заметил я разные утешительные улучшения в наружности в нашем губернском быту: в наружности и во внутренности домов уже реже встречается прежнее неряшество; постоянное пьянство начали почитать несчастием; на отъявленных взяточников уже указывают пальцами; мужчины читают иностранные газеты, а на дамских столиках лежат брюссельские издания и разные книжонки русского изделия, в числе которых – прошу не прогневаться – и мои смиренные повести.

Гуляя по новым тротуарам, любясь новыми щегольскими зданиями, украшающими губернский город, я всякий раз останавливался перед одним большим каменным домом, который, кажется, был забыт в общем преобразовании. Сумрачная величавость его казалась окаменевшим преданием другой эпохи. Видно было, что этот дом, построенный со всею роскошью итальянской архитектуры, кипел когда-то жизнью, светил из окон веселыми огнями и гордо поднимал голову над всеми окружающими домиками. Я верю в жизнь и в смерть безжизненных предметов, и оттого странный дом смотрел для меня покойником; и точно, казалось, что он давно уже умер..

Красные трещины бороздили его почерневшие стены, зеленоватые стекла тусклых окон местами были перебиты, местами заклеены исписанной бумагой. Балкон исчез вовсе, оставя только четыре колонны с отвалившеюся штукатуркой. Кое-где выглядывали из-под кирпичей чахоточные растения с желтенькими цветочками. Ворота открыты настежь, а на дворе, заросшем густой травой, валялось несколько пустых бочек. Ни одной человеческой души не было видно в этом опустошенном, остывшем жилище.

Ближний лавочник, к которому я обратился с вопросом, объяснил мне, что в этом доме помещалась прежде питейная контора, но что теперь она перенесена на другой конец города. Такого объяснения было для меня недостаточно. Губернский стряпчий, с которым я был знаком, сообщил мне, что дело об этом доме находится теперь у него на рассмотрении; что в деле с лишком пятнадцать тысяч листов; что он предмет тяжбы между многими лицами, и отдан под надзор Дворянской Опеки.

Больше стряпчий ничего сказать мне не мог, потому что был определен на место недавно, а собственно дела не принимался еще читать,, по многосложности своих ваяний.

Наконец один говорливый губернский старожил удовлетворил моему любопытству. Как только речь зашла о странном доме, глаза его оживились, стан выпрямился; он весь помолодел от воспоминаний молодости.

"В этом доме, – говорил он, – прошли лучшие минуты – моей жизни. Я был принят в нем как родной. Весело жила в старину, не то, что ныне. И что за молодежь была! каждый день балы, театры да сюрпризы". Я терпеливо выслушал длинную биографию старика, в которой решительно ничего не было занимательного. Давно ли, кажется, он был и юн и свеж, танцевал,